

Дремота сладкая моих коснулась глаз...

Первые зимние месяцы в музыкальной жизни нашего города всегда богаты событиями. Не стал исключением и нынешний сезон. Чтобы представить масштаб художественных переживаний, выпавших в предРождественские дни на долю петербургских меломанов, достаточно вспомнить выступления квартета имени Бородина и Бэзлы Давидович, Елены Образцовой и Григория Соколова...

Но если в залах Филармонии и Капеллы атмосфера была поистине накалена до предела, то в жизни Мариинского театра (основная часть оперной труппы которого находилась в длительных гастролях) в это же самое время ощущалось непривычное затишье. Общее состояние театрального организма, отмеченное печатью некой утомленности, сладкой дремоты, завладело, по-видимому, и отдельными душами, в чем смогли убедиться слушатели, побывавшие на сольных концертах Ольги Кондиной и Виктора Черноморцева.

О специфических трудностях, постигающих певца, отражавшихся пет на сцене театра концертную программу в сопровождении рояля, мне приходилось писать уже не раз. Прежде всего это — акустическое неудобство, вызываемое тем, что слушательское сознание невольно ориентируется на объем звучания, адекватный оркестровому. Поэтому исполнителю необходимо искать ту заветную позицию, так называемую "точку" на сцене, в которой звучание голоса и инструмента становится наиболее выигрышным. Ольге Кондиной и Наталии Арзумановой (партия фортепиано) в этом отношении явно не повезло, и потому главное достоинство их дуэта — интеллигентность, порой даже несколько рафинированная, обратилась против самих же исполнителей. Зачастую их было просто не слышно, и множество мельчайших ансамблевых нюансов, к сожалению, ускользнуло от внимания публики.

Не менее важным моментом в создании концертной программы является выбор произведений и их выстроенность. В данном случае, очевидно, руководящим оказалось стремление певицы максимально продемонстрировать свой зарубежный оперный репертуар. Такой подход можно было бы при-

нять в качестве принципа, но тогда неоправданным выглядит искушение включить в программу традиционные для колоратурного сопрано концертные номера вроде Вариаций Проха и "Аллилуйя" Моцарта. Уместнее было бы спеть их на "бис". И уж совсем "не из той оперы" прозвучала "Ave Maria" Баха-Гуно, помещенная между Вальсом Джульетты и Полонезом Филины. В целом программа, на мой взгляд, оказалась явно перегруженной.

Среди удачных эпизодов нужно, наряду с великолепными "козырями" певицы в виде беллиниевской Джульетты и арии Лючии из оперы Доницетти, надо отметить и завершившую концерт арию Виолетты из I акта "Травиаты", в интерпретации которой Кондиной удалось сконцентрировать свои лучшие исполнительские качества: аккуратность флировок, мягкое звуковедение, грамотное и гибкое интонирование. Тем удивительнее было наблюдать спустя несколько дней на той же самой сцене полностью противоположную картину. Речь идет о дуэте Виолетты и Жермона (II акт), представленном на суд публики Ольгой Кондиной и Виктором Черноморцевым. Лишенная всякого смысла фразировка (несмотря на русский вариант текста), заставляющие в воздухе, окаменелые реплики, подавляющие все "неуверенность и неподлинность", по выражению Гессе, — все это окончательно разбудило меня в том, что столь уж необходимо идти на следующий день на возобновленную в театре "Травиату" (в том же составе). Быть может, такое решение было не самым правильным. Во всяком случае, более определенное мнение о достоинствах нового персонажа на сцене Мариинского театра — Виктора Черноморцева, представляемого в афишах солистом Венской Оперы (Кстати, в полном перечне солистов — своих и приглашенных, — приведенном в сезонниках Венской Оперы за нынешний и прошлый сезоны, есть немало русских фамилий, но вот Черноморцев почему-то отсутствует. Отчего бы?... — Ред.), было бы легче составить, услышав и увидев его в спектакле. И тем не менее, сольный концерт — достаточно красноречивая визитная карточка.

Сама по себе программа выступле-

ния (эта злополучная "лакмусова бумажка") отнюдь не свидетельствовала о выискательности вкуса: романсы и арии из опер Рахманинова и Чайковского в обрамлении вердиевских арий, а в качестве своеобразного "пролога" — "Pietà Signore" Страделлы и монолог Жерара из "Андре Шенье" Джордано. Вполне допускаю, что этот концерт певцу могли предложить внезапно, и все же понятие о стиле (если оно есть) желательнее не терять ни при каких обстоятельствах. По поводу исполнительского уровня певца, повторюсь, окончательные выводы делать рано. Бесспорным плюсом является то, что Черноморцев, в отличие от многих современных певцов, не кричит. У него приятный тембр, особенно красиво голос звучит в среднем регистре. Однако для бас-баритона (думаю, так точнее было бы определить природу его голоса), к тому же с претензией на европейский масштаб, непрестительны очевидные проблемы с низкими нотами (печальный инцидент с балладой Томского случайностью отнюдь не кажется). То же можно сказать и об отсутствии в диапазоне сверхающего верха. Немало претензий можно было бы предъявить к манере звукоизвлечения и произнесения текста. Достаточно обратить внимание на назойливые придыхания чуть ли не перед каждым словом, в результате чего сердце становится "мбедным", а страсти — "хбезумными"...

Но все эти досадные "мелочи" не были бы столь оскорбительны для слушателя, если бы компенсировались, хоть отчасти, проявлением исполнительской индивидуальности. Увы, ни одного выразительного момента, ни одного выпуклого, достоверного образа в программе концерта отыскать не удалось. И в итоге господствующим эмоциональным состоянием на протяжении всего вечера стала скука.

Чтобы закончить сии не слишком-то восторженные заметки, воспользуемся старым приемом и процитируем классика: "Публика, — напоминает Тито Гобби, — это чудовище, которое поминутно надо чем-то занимать, а то оно заснет. Если вы почувствуете, что хоть чуть-чуть надоело зрителю, немедленно что-то предпринимайте."

Наталия ТАМБОВСКАЯ